

Бай Цзиньжун втайне сжала руки: чтобы соблазнить Линь Дунцин, она не поскупилась и пошла на всё.

— Бай-Бай, — голос Линь Дунцин раздался за спиной.

Бай Цзиньжун испуганно обернулась. Перед лицом госпожи она прижала одну руку к груди — бесконечная весенняя красота, полуприкрытая, манящая и полная очарования.

Линь Дунцин с безмятежным видом подняла руку, зачерпнула воды и плеснула ей в лицо, усмехнувшись:

— А по-моему, ты вовсе не чувствуешь себя плохо.

Бай Цзиньжун боязно прижала руки к груди, глядя на неё влажными глазами, прикусила губу и промолчала.

— Быстро, одевайся и ступай караулить снаружи, — Линь Дунцин постучала её по голове; в её чистых глазах не было ни единой эмоции, и она повернулась, чтобы уйти.

Бай Цзиньжун окончательно остолбенела. Будь это мелкая бесстыдница из второй жизни, она бы непременно покраснела и мигом овладела ею целиком.

Бай Цзиньжун зачерпнула воды и умыла лицо, не понимая, то ли это Линь Дунцин впала в демоническое наваждение, то ли она сама.

К концу месяца Линь Цзиньхэн вышел из затворничества.

Е Чжицю стояла рядом, невероятно очаровательная и соблазнительная, и ласково позвала:

— Супруг мой.

— Жёнка, — Линь Цзиньхэн взял её за руку, улыбаясь. — Хорошо ли прошли эти дни?

— Очень хорошо, — улыбнулась Е Чжицю. — Удалось ли тебе чего-нибудь достичь за те дни, что ты провёл в затворничестве?

Линь Цзиньхэн кивнул:

— Я постиг немало приёмов из оставленных отцом записей меча, вот только кое-что всё ещё остается неясным.

— Нельзя спешить. Смотри-ка, ты ведь совсем похудел. Я сейчас же велю кухарке приготовить хорошего вина и знатных блюд, мы как следует посидим все вместе, — с нежностью в голосе произнесла Е Чжицю.

— Хорошо, и Цин-эр тоже позови, — огляделся Линь Цзиньхэн. — Эта девчонка совсем распустилась, брат вышел из затворничества, а она даже не пришла встретить.

— Братец, я слышала, как ты говоришь обо мне гадости, — Линь Дунцин выглянула из-за колонны и с ухмылкой произнесла:

Линь Цзиньхэн покрепил её по голове:

— Иди сюда, составишь мне компанию за едой.

— Хорошо, — с улыбкой согласилась Линь Дунцин.

Уже ночью Е Чжицю смочила полотенце, чтобы вытереть лицо Линь Цзиньхэну, и укоризненно произнесла:

— Ах ты... Еле-еле выдался момент, когда мы, муж и жена, хотели поговорить по душам, а ты глянь на себя — снова напился с Дунцин.

Третья жизнь

Линь Цзиньхэн с улыбкой сжал её руку, с покрасневшим лицом медленно открыл глаза:

— Разве не радостно? Просто выпил на пару чарок больше.

Е Чжицю уложила его на ложе, стянула сапоги и посмотрела на Линь Цзиньхэна, который растянулся на постели и вырубился мертвецким сном, испуская оглушительный храп.

Е Чжицю тихо вздохнула, скинула обувь, забралась на ложе, обняла его за руку и прижалась щекой к его плечу.

Линь Дунцин сидела в самом углу, и лишь когда в комнате погасли свечи и до неё донёсся глухой храп Линь Цзиньхэна, она бесшумно упорхнула.

В последние дни у Линь Дунцин был на редкость скверный характер: она довела до слёз нескольких горничных в доме, и только эта бестолковая Бай Цзиньжун осмеливалась подходить к ней близко.

С тех пор как Линь Цзиньхэн вышел из затворничества, Линь Дунцин по вечерам больше не смела навещать Е Чжицю, зато у Бай Цзиньжун выдалось немало свободного времени, и она наконец-то могла выспаться как следует.

— Бай-Бай, сходи-ка во Двор Осенних Листьев, скажи, что я хочу позвать старшего брата выпить, — словно муравьишка на раскалённой сковороде, заметалась по комнате Линь Дунцин.

— Вторая барышня, вы же уже три дня пьёте с главой поместья, — сказала Бай Цзиньжун. — Если так пойдёт, госпожа будет недовольна.

— Плевать мне, довольна она или нет, — раздражённо бросила Линь Дунцин. — Неужели мне смотреть сложа руки на то, как они... — с этими словами Линь Дунцин раздарила в щепки чашку в руке и небрежно швырнула обломки на пол.

— Вторая барышня, они же муж и жена, спят на одном ложе... — только начала Бай Цзиньжун, как свирепый окрик Линь Дунцин прервал её:

— Замолчи! А ну живо ступай!

Стоило Бай Цзиньжун прийти во Двор Осенних Листьев, как её тут же спровадили обратно. С виноватым видом она вернулась и доложила Линь Дунцин:

— Госпожа велела передать, что у главы поместья сегодня днём был лёгкий удар холода, вино ему пить не положено.

Линь Дунцин, словно побитая морозом тыква, опустилась в кресло и принялась растерянно вращать глазами:

— Тогда, пожалуй, я отведу к нему лекаря.

Бай Цзиньжун разболелась голова от этого упрямства, и ей пришлось солгать:

— Когда я шла туда, я видела, что лекарь уже ждёт снаружи.

Линь Дунцин швырнула ещё одну чашку и велела ей убираться вон.

Когда луна поднялась над кронами деревьев, Линь Дунцин не выдержала и тайком прокралась во Двор Осенних Листьев, приближаясь лёгким, невесомым шагом.

Из всех боевых искусств лучше всего ей удавалось лёгкое кунг-фу — даже Линь Цзиньхэн не смог бы расслышать её шагов.

Звуки в комнате были едва слышными, но для Линь Дунцин, владеющей боевыми искусствами, они по-прежнему оставались отчётливыми.

— Зачем ты сегодня обманула младшую сестренку? Какой у меня может быть удар холода? — раздался в комнате голос Линь Цзиньхэна.

— Я же не знала, что вы выпиваете, — тихо ответила Е Чжицю. — Ты только вышел из затворничества, а пьешь каждую ночь, на здоровье это точно не пойдет.

— Мы просто пропустили по рюмочке с младшей сестрой, с чего бы это навредило здоровью? — усмехнулся Линь Цзиньхэн. — Чжицю, что с тобой?

В голосе Е Чжицю слышалась обида:

— Что со мной? Ты запирался в затворничестве больше полугода, я целыми днями была одна-одинешенька. Еле-еле ты вышел, а заботы о мне никакой.

— Это муж твой оплошал, — раздался шорох одежды и приглушенный голос Линь Цзиньхэна. — Я знаю, что ты мягкая и заботливая, добрая и ко мне, и к младшей сестре. Оставлять этот дом на твоё попечение — я спокоен.

Голос Е Чжицю дрогнул:

— Супруг мой, в дни, когда тебя не было, я чувствовала себя ужасно одинокой... Не мог бы ты... подарить мне... ребенка?

Голос Е Чжицю оборвался, слышалось шуршание одежды, что-то упало на пол, а вслед за этим раздалось сдавленные стоны Линь Цзиньхэна и Е Чжицю.

Линь Дунцин медленно сжала кулаки, её лицо потемнело от ярости.

— Завтра идёшь со мной. Я договорилась со старшим братом и сестрицей Чжицю полюбоваться кленовыми листьями, — с каменным лицом Линь Дунцин постучала веером по лицу Бай Цзиньжун. — Будь пошустрее, не стой столбом.

— Глава поместья с госпожой идут любоваться весенними пейзажами, а вторая барышня зачем увязывается? — пробормотала Бай Цзиньжун.

— Бестолковая девчонка, — Линь Дунцин ущипнула её за щеку. — Была бы ты хоть наполовину такой же сообразительной, как Цуэр.

— Тогда я позову Цуэр, — Бай Цзиньжун вовсе не улыбалось таскаться с ними и быть третьей лишней, она уже собралась повернуться и уйти, но Линь Дунцин удержала её за рукав. — Ладно уж, от неё слишком много хлопот.

Бай Цзиньжун тащила за ней корзинку с едой и со стороны наблюдала, как Линь Дунцин с сияющей улыбкой подхватила под левую руку Линь Цзиньхэна, а под правую — Е Чжицю, нагло и бесцеремонно вклинившись между супругами.

Линь Цзиньхэн был одержим боевыми искусствами, и когда он изредка принимался с воодушевлением рассуждать с Линь Дунцин о приёмах из меча, Е Чжицю лишь едва заметно улыбалась в стороне.

Бай Цзиньжун приподняла брови: ещё бы, ведь изначально человек хотел наслаждаться нежностью с любимым мужем, а их каждый день прерывает Линь Дунцин, кто тут станет радоваться?

Но Линь Дунцин упорно ничего не замечала, глядя на Е Чжицю полными исступленного обожания глазами.

— Какие красивые цветы там растут, сестрица Чжицю, я сорву их для вас! — с улыбкой бросилась к близлежащему горному склону Линь Дунцин.

Бай Цзиньжун уселась под деревом, прикрыв лицо от солнца носовым платком, и, склонив голову набок, начала задрёмывать.

— Эта служанка Дунцин совсем распустилась. Разве можно позволять господам собирать цветы, а самой прятаться под деревом и спать? — с недовольством произнёс Линь Цзиньхэн. — Чжицю, пока меня не было, делами во дворе поместья заведовала ты. Нельзя ли подобрать для Дунцин пару толковых служанок?

Е Чжицю опустила голову и улыбнулась:

— Я подбирала. Несколько девчонок были очень сообразительными, да только Дунцин почему-то полюбила эту простоватую девчонку, ничего не попишешь.

— По мне, так она совершенная разиня, — беспомощно вздохнул Линь Цзиньхэн. — Ну раз уж Дунцин она нравится, пусть так и будет.

Убедившись, что вокруг никого нет, Е Чжицю тихо произнесла:

— Цзиньхэн, разве изначально не предполагалось, что мы пойдём вдвоём? Почему ты вечно зовёшь с собой Дунцин? Мне даже словом перемолвиться с тобой о сокровенном не удаётся.

Линь Цзиньхэн беспечно рассмеялся:

— Мы случайно столкнулись утром перед выходом, и она сказала, что хочет погулять. Дунцин скучно сидеть одной, почему бы ей не пойти с нами?

— Ах ты... О чём бы ни зашла речь, всё вечером, — улыбнулся Линь Цзиньхэн. — Теперь ты хозяйка поместья, разве пристало тебе капризничать, как барышня? Нужно быть великодушнее. Дунцин — моя младшая сестра, но и тебе она золовка.

Е Чжицю бросила на него укоризненный взгляд и прижалась головой к его плечу:

— Просто мне хочется побыть с тобой подольше, пока ты, фанатик боевых искусств, снова не ушёл в затворничество.

Линь Цзиньхэн взял её за руку и улыбнулся:

— Так давай заведём ребёнка, чтобы он составлял тебе компанию, как тебе?

Его широкая крепкая ладонь опустилась на плоский живот Е Чжицю.

— Кто знает, может, здесь уже кто-то есть.

Глаза Е Чжицю изогнулись полумесяцами, полные нежности. Она уже собиралась заговорить, как увидела бегущую к ним с букетом розовых цветов Линь Дунцин.

— Сестрица Чжицю, пойдёмте к вон тому ручью ловить крабов!

Линь Дунцин схватила Е Чжицю за руку, пытаясь увлечь за собой.

— Дунцин, потише, — с мрачным лицом оборвал её Линь Цзиньхэн. — Ты занимаешься боевыми искусствами, сила немереная, а твоя невестка хрупкая и нежная. Что, если с ней что-то случится?

— Сестрица Чжицю — хозяйка поместья, какая она хрупкая? Братец, не мешай! — Линь Дунцин тянула Е Чжицю за собой, но та не сдвинулась с места и лишь мягко позвала:

— Цзиньхэн.

Линь Цзиньхэн шлёпнул Линь Дунцин по лбу:

— Непослушная егоза!

Он отобрал руку Е Чжицю у Линь Дунцин:

— Чжицю, пойдём, прогуляемся вон в той стороне.

Линь Дунцин растерянно замерла на месте, провожая взглядом их удаляющиеся фигуры, и медленно сжала кулаки.

Бай Цзиньжун сдернула с лица платок и прищурилась, глядя на Линь Дунцин, которая выглядела точь-в-точь как разъяренный лев.

К вечеру Линь Дунцин закружилась по комнате, словно загнанный зверь.

Бай Цзиньжун попыталась сбежать, но та поймала её:

— Ты, иди позови моего старшего брата. Скажи, что я... неважно, хоть на поединок его вызываю, хоть выпить предлагаю — словом, замани его сюда любым способом, — в лихорадочной спешке бросила Линь Дунцин. — Живей!

Бай Цзиньжун медленно вжалась в угол и отказалась идти:

— Вторая барышня, вы этот трюк используете уже раз в энский, глава поместья не придёт.

— Тогда какими угодно судьбами вымани его наружу! Сегодня ночью мне непременно нужна сестрица Чжицю, — раздражённо вытащив сундук, Линь Дунцин принялась перебирать лежащую в нём одежду и, схватив малый нагрудник, принялась судорожно втягивать носом его запах. — Я скучаю по ней... до безумия.

Помедлив немного, Бай Цзиньжун всё же решила образумить её:

— Вторая барышня, она жена главы поместья. Вы подумали о том, что будет, если старший брат узнает? Да и госпожа вас не примет.

— Сестрица Чжицю так добра ко мне. Если бы не старший брат, она бы непременно приняла меня! — в бешенстве воскликнула Линь Дунцин. — Почему, ну почему мой старший брат познакомился с сестрицей Чжицю раньше меня?!

— Почему все вокруг идут против меня?! — Линь Дунцин ударила ладонью по столу, и тот разлетелся в щепки, заставив Бай Цзиньжун разинуть рот.

Пятясь к выходу из комнаты, Бай Цзиньжун заговорила:

— Вторая барышня, вы просто с детства знали госпожу и больше ни с кем из женщин не были близки, вот вам и кажется, что лучше госпожи никого нет.

Сделав еще пару неуверенных шагов к двери, Бай Цзиньжун услышала окрик Линь Дунцин:

— А ну иди сюда.

Втянув голову в плечи, Бай Цзиньжун остановилась перед ней, с трепетом глядя на обломки стола. Впервые в жизни она вила человека, способного разнести стол одним ударом ладони.

— Ты хочешь сказать, что если я познаю ласку другой женщины, то, возможно, перестану тосковать по невестке, верно? — протянула Линь Дунцин.

— Ну да, на свете так много женщин, зачем же заикливаться на ком-то одном? — тут же попыталась ковать железо пока горячо Бай Цзиньжун. — Это предрассудок, это наваждение.

— Но... к другим женщинам... у меня нет таких чувств, — с сомнением произнесла Линь Дунцин. — Понимаешь? Желания быть ближе.

Взглянув на её приближающееся лицо, затуманенное легкой тенью печали, Бай Цзиньжун вдруг вспомнила Линь Дунцин из прошлых двух жизней: в первой той хватало совести заявлять с серьезным видом, что она не в убытке, украдкой лапая её за грудь; во второй — тяжело дыша, она явилась, чтобы искушать её губы.

Бай Цзиньжун подняла руку, коснулась её лица и, медленно подавшись вперед, накрыла её губы своими, нежно притираясь.

Линь Дунцин на миг замерла, но затем ухватила её за плечи и оттолкнула.

В глазах Бай Цзиньжун плескался влажный блеск, и она с соблазнительной интонацией произнесла:

— Никаких тайников и страха, что кто-то прознает, верно? Согласись, такое ощущение куда лучше, чем украдкой целовать её.

Линь Дунцин потёрла нос и нахмурилась, словно раздумывая над чем-то:

— Вроде бы неплохо, но... чего-то не хватает.

Ухватив Бай Цзиньжун за подбородок, Линь Дунцин снова прильнула к её губам, закрыла глаза и вообразила её образ Е Чжицю, представив каково это — пробираться по ночам в её комнату и красть чужие ароматы, и это показалось ей довольно забавным.

Раздвинув её напряженно сжатые зубки, она захватила и принялась посасывать её робкий язычок.

Третья жизнь

Дыхание Линь Дунцин стало еще тяжелее, и она протянула руку, лапая её тело, отчего Бай Цзиньжун испуганно сжалась.

Линь Дунцин мгновенно открыла глаза, и её взгляд холодно прояснился:

— Ты не она. Ты крупнее её.

Пытаясь спасти положение, Бай Цзиньжун выпалила:

— Я же еще девчонка, а она...

Взгляд Линь Дунцин скользнул по её груди — смысл был более чем очевиден. Бай Цзиньжун замерла, густо покраснела и сплюнула в её сторону.

Потерянная и убитая горем, Линь Дунцин опустилась в кресло, налила из кувшина вина и пробормотала:

— Сестрица Чжицю, Чжицю...

— Вторая барышня, если больше ничего не нужно, я пойду, — зевнула Бай Цзиньжун и собралась удалиться, но Линь Дунцин удержала её пьяным окриком:

— Скажи, мой старший брат... неужели они с сестрицей Чжицю сейчас занимаются... этим?

Бай Цзиньжун притворилась несведущей:

— Каким это «этим»?

— Всё равно не поймёшь, дурёха, — уныло уронила голову Линь Дунцин. Одно лишь представление о том, как Линь Цзиньхэн и Е Чжицю предаются плотским утехам, причиняло ей невыносимую боль.

Бай Цзиньжун бросила на неё взгляд:

— Сегодня я слышала, как глава поместья говорил, что хочет, чтобы госпожа родила ему ребенка. И госпожа, кажется, была очень рада.

Шлёп! Линь Дунцин разбила кувшин о пол и, уставившись покрасневшими глазами, спросила:

— Ты правду говоришь?

— Глава поместья в браке уже года два-три, в их возрасте у обычных людей уже дети бегают, — загибая пальцы, с притворным простодушием произнесла Бай Цзиньжун.

Линь Дунцин вытащила меч, заставив Бай Цзиньжун побледнеть. Лицо девушки покраснелось от хмеля, но движения отличались лёгкостью опадающих листьев. Она принялась сама по себе исполнять танец меча, скользя, словно призрак, и глухим голосом произнесла:

— Метод Меча Семьи Линь глубок и непостижим, изменчив и коварен — одно из лучших боевых искусств в Цзянху. Мой старший брат годами упорно упражнялся, но его разум слишком зашорен, он постиг едва ли четыре-пять из десяти частей, до меня ему далеко.

Запястье Линь Дунцин выписало изящный завиток, и сверкнувший искрами меч озарил её заострившийся взгляд:

— Поэтому каждый раз, когда кто-то бросал вызов поместью, когда он не справлялся с противником, в дело вступала я.

В отличие от наёмной убийцы Линь Дунцин из первой жизни и её отчаянных приёмов, танец меча этой Линь Дунцин был невероятно изящен. Её фигура двигалась подобно призраку, и от рассекающей воздух ци меча правый оконный проём Бай Цзиньжун лишился целого угла. Задержав запястье, лезвие легко коснулось кончика меча. Линь Дунцин резко взмахнула рукой, вбросила меч в стену, единым движением притянула к себе Бай Цзиньжун, ввалила на ложе и прижала к матрасу тяжелым голосом:

— Можно сказать, что поместье меча держится на мне! С какой стати он со мной соперничает?!

— Он твой родной брат!! — в ярости закричала Бай Цзиньжун. — Он так о тебе заботится! Ты что, с ума сошла?! Из-за женщины — идти против собственного брата?!

Взгляд Линь Дунцин пару раз качнулся, она поволокла её на постель и принялась развязывать пояс:

— Ты сама сказала: ты можешь заменить её, верно?!

В отличие от мелкой наглевшей девчонки из прошлой жизни, эта несла куда большую угрозу. Одной рукой заломив обе руки Бай Цзиньжун над её головой, она принялась целовать её лицо, уши и шею.

— Не надо... — Бай Цзиньжун вдруг отчётливо осознала, что это не ребячество, дело шло к настоящему близкой связи.

— Не забывай, твоя закладная у меня в руках, — Линь Дунцин сдавила её подбородок. — Живой ты принадлежишь мне, мёртвой — моему призрак, поняла? Ты — моя служанка.

— Но я не хочу! — закусив губу, уставилась на неё Бай Цзиньжун. С какой стати ей быть заменой Е Чжицю?

Тонкие пальцы Линь Дунцин расстегнули пуговицу на её одежде, и она дьявольски усмехнулась:

— Если не хочешь, завтра же отдам твою закладную своднице и продам тебя в весёлый дом. Тысячи мужчин будут оседлать тебя, десятки тысяч станут ложиться на тебя — как тебе такое?

Бай Цзиньжун занесла руку, желая дать ей пощёчину, но Линь Дунцин перехватила её запястье с усмешкой:

— Другие служанки наперебой рвутся ко мне на ложе, а ты, глупышка, смеешь бить меня.

Укусив Бай Цзиньжун за руку, Линь Дунцин принялась сдирать с неё одежду:

— Будь со мной, и всё, что есть у меня, станет твоим. Отныне ты — третья барышня поместья меча, рада?

Кто тут станет радоваться — Бай Цзиньжун мысленно закатила глаза.

Запустив руку под её одежду и грубо сжав грудь, Линь Дунцин тяжело вздохнула, в её глазах мелькнула тень, и хриплым голосом она произнесла:

— Если возьмёшь меня, ты должна будешь вырвать из сердца мысли о невестке, идёт?

Пусть Линь Дунцин и не раз пользовалась случаем приласкать Е Чжицю, но вкусить подобного она ещё не пробовала. Её дыхание стало тяжелее, однако ответа не последовало.

Бай Цзиньжун никогда прежде не сталкивалась с подобным обращением. Её взгляд мгновенно растерялся, сердце заволновалось, словно заросшее бурьяном поле, пальцы вцепились в одеяло. Прикусив губу, она изо всех сил старалась молчать, но не могла сдержать срывающихся с уст стонов.

Предаваясь тайным мечтаниям об Е Чжицю, Линь Дунцин прочла немало народных любовных романов и в вопросах страсти разбиралась неплохо.

Пальцы Линь Дунцин скользнули ниже, вызвав в ее душе целую бурю смятения. Она и не думала, что за искоренение злых помыслов Линь Дунцин придётся платить такую цену.

Может, просто умереть и начать всё сначала? Терять столько здесь — ну просто грабёж серед бела дня, — кусая губы, подсчитывала в уме Бай Цзиньжун. Видя, как Линь Дунцин разводит её ноги, она одновременно вспыхнула от стыда и гнева, оттолкнула её ногой и потянулась к мечу Линь Дунцин: — Дай мне умереть!

Линь Дунцин перехватила её руки и вскинула над головой:

— Умри подо мной.

Не успел смолкнуть голос, как Линь Дунцин перешла к делу.

Бай Цзиньжун до боли закусила губу, судорожно втянув воздух, и задрожала от пронзившей её боли.

Линь Дунцин слегка удивилась, уголки её губ изогнулись:

— А я думала, эта дурочка давно уже лишилась девственности, завлечённая кем-то, а ты всё ещё целка.

— Бессовестная! — больше не в силах притворяться дурочкой, Бай Цзиньжун разразилась руганью. — Отпусти меня! Линь Дунцин, подлюга!

— Глупышка, ни капли манер, зови меня «вторая барышня», — с каменным лицом отчитала её Линь Дунцин, но хватки не ослабила, не позволяя вырваться.

Словно лакомое угощение, она вкушала её по капле, понемногу подчиняя себе, пока Бай Цзиньжун не забыла, где находится, улетев на девятое небо, где её душа рассыпалась в прах.

Довольная Линь Дунцин рухнула на неё сверху, крепко обняла и, с улыбкой на губах, пробормотала:

— Чжицю... сестрица Чжицю.

Бай Цзиньжун попыталась поднять руку и отвесить ей оплеуху, но руки от усталости даже не поднимались. Закрыв глаза, она тяжело дышала: оказывается, плотская страсть — это такое упоительное блаженство, вот только жаль, что она — всего лишь замена.

Да и чёрт с ними со всеми! Как только помыслы будут очищены — их пути разойдутся навсегда, и видеть её она больше не пожелает.

Линь Дунцин перевернулась на спину, подложила руки под голову и лениво произнесла:

— Я устала. Белая, сходи принеси горячей воды, я хочу умыться.

Успокаивая вздымающуюся грудь, Бай Цзиньжун кое-как поднялась и, прикрываясь руками, принялась одеваться.

<http://bllate.org/book/21201/2145991>